

Ю. В. Попов

«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ»

Приведено по:

Публицисты Великой французской революции

М., 1989. С. 22-46.

Веб-публикация: Eleonore и редакторы сайтов Vive Liberta и Век Просвещения ©

Падение Бастилии в июле 1789 г. вовлекло в революционный водоворот новые слои революции, которые до этого только прислушивались к революционному грому, прокатившемуся по всей стране. Как говорили современники, «французская революция 1789 г. разбудила нацию. Падение Бастилии отозвалось эхом во всей Европе»¹.

В горячие июльские дни начала выходить и газета «Парижские революции». В заголовке было указано, что она посвящается нации и дистрикту «Маленькие августинцы». Еженедельник имел гордый эпиграф: «Великие кажутся нам великими лишь потому, что мы стоим на коленях. Поднимемся!» К.Маркс назвал этот эпиграф «знаменитым девизом, которым Лустало украшал свою газету»². Не раз упоминал газету «Парижские революции» К. Маркс, когда говорил о французской революции конца XVIII в.³

Имея прочную материальную базу (издание газеты в то время было очень дорогостоящим делом), «Парижские революции» выгодно отличались от других газет. Основную силу революции еженедельник видел в низших демократических слоях парижского населения. Позже редакция усматривала заслугу своего издания в том, что «газета «Парижские революции» была первой, которая заговорила о санкюлотах... то есть настоящих революционерах, считавших служение революции своим обычным делом, несмотря на презрение к ним со стороны короля и аристократов. С тех пор газета считала за честь быть общественным обвинителем...»⁴

Обычно номер имел от 40 до 64 страниц, но отчетам о работе Национального собрания отводилось всего 6—8 страниц. А вот еженедельный обзор общего положения страны, включая парижские события, составлял обычно 14—20 страниц. Кроме того, как правило, печатались сообщения об успехах революционного движения в провинции⁵. Газета довольно резко критиковала парижское городское самоуправление и антидемократические постановления Собрании и правительственных органов. Публиковались статьи по юридическим и экономическим вопросам. Много было материалов о театральной жизни, новинках литературы, перепечаток из английских газет. Наконец, это была одна из немногих газет, уделявшая внимание положению пролетарских слоев Парижа. И совершенно справедливо **Демулен** называл эту газету «энциклопедией революции»⁶.

Почти в каждом номере печатались гравюры, технически не всегда совершенные, посвященные отображению того или иного события. Первый номер газеты был украшен десятью заставками, аллегорически изображавшими события начала революции. Среди них: взятие Бастилии, клятва в зале для игры в мяч, эмблема деспотизма и другие.

С еженедельной газетой «Парижские революции» тесно связано имя популярного публициста Великой французской революции Элизе Лустало. Благодаря его замечательному таланту отдельные номера газеты имели тираж двести тысяч экземпляров⁷. Лустало отдался революции с такой убежденностью, с такой страстью, что, несмотря на свою недолгую жизнь, сумел оставить яркий след в истории демократической печати. С.Марешаль писал о нем в «Республиканском альманахе»: «Этот молодой человек умер от огорчения, узнав о кровавом деле в Нанси в 1790 году. Пройдет еще немного времени, и Французская республика найдет в его произведениях тот свет, который она ищет в сочинениях древних...»⁸

Сен-Жюст, обычно очень скупой на похвалы, писал уже после смерти Лустало: «Нельзя удержаться от того, чтобы не восхищаться неустрашимостью Лустало, которого больше нет и смелое перо которого боролось с честолюбием»⁹.

Высокую оценку демократическому журналисту дал Ф. Энгельс, писавший Лауре Лафарг: «...я закончу разборку последней кипы книг... там есть несколько хороших вещей, относящихся к французской революции, Лустало...»¹⁰

К сожалению, о жизни Э. Лустало известно немного. Установлено, что он родился в декабре 1761 г. в маленьком городке Сент-Жан д'Анжели. (Некоторые историки пишут, что он родился в 1762 г. Усилиями М.Пелле была найдена запись в книге Гражданских актов коммуны Сент-Жан д'Анжели, в которой рукой викария церковного прихода было засвидетельствовано, что Элизе Лустало был крещен в присутствии родителей и многочисленных родственников 25 декабря 1761 г.¹¹)

У Лустало была сестра, всю жизнь прожившая в родном городе. Умерла она в 1854 г. в возрасте 87 лет, но воспоминаний о своем брате или каких-нибудь записок не оставила.

Его отец занимал почетное место в адвокатуре родного города, являясь синдиком адвокатского корпуса. Следуя семейной традиции, Лустало по окончании коллежа изучал право в Бордо и стал адвокатом. Из-за расхождений во взглядах на роль адвоката в обществе с представителями местной судебной власти решением дисциплинарного совета он был вынужден прервать на шесть месяцев свою практическую деятельность.

В начале 1789 г. Э.Лустало прибыл в Париж и был записан в адвокатскую контору. Не пренебрегая своей работой по специальности, он активно участвует в политических собраниях, происходивших в Пале-Рояле и в других местах столицы. К этому времени относится его знакомство с К. Демуленом, с которым они вскоре стали друзьями. Лустало впервые пробует свои силы в литературе, переводя с английского языка некоторые брошюры. Писал он и сам, но до нас ни одна из его ранних работ не дошла.

Основатель газеты «Парижские революции» Прюдом искал для работы в ней молодых людей, образованных и трудолюбивых. Он обратил внимание на Лустало, слушая его пламенные речи на многочисленных собраниях. Несомненно, издатель был хорошо знаком и с брошюрами, написанными Лустало. Не исключено, что Прюдом сам их и печатал, тем самым приблизив автора к себе. Через некоторое время он сделал ему серьезное предложение и Лустало, не колеблясь, принял его. Так Элизе Лустало пришел в газету «Парижские революции», найдя в ней свое истинное призвание¹².

Ламартин писал о нем: «Лустало, молодой талантливый человек, революционный энтузиазм которого заставил его взяться за перо... имел характер честного и бескорыстного республиканца, завоевавшего уважение народа, говоря ему суровую правду... Группировки, мятежи, преступления народа вызывали у него отвращение... Лустало восставал против всякого применения силы, считая, что любое насилие является проявлением тирании... Своим энтузиазмом, своей честностью, даже своими юношескими заблуждениями Лустало в тот момент более чем кто-либо отвечал требованиям времени. Он популяризировал ошибки, но отнюдь не преступления, имея огромную аудиторию, подобной которой не существовало для политического писателя. Лустало умер... сгорев в пламени патриотизма, который он сам зажег в миллионах сердец»¹³.

Все журналисты того времени, друзья и враги, видели в лице Лустало единственного редактора прюдомовской газеты. Вот, например, что писали ультрароялистские «Деяния апостолов»: «Известно, что господин Прюдом печатает в своей газете только концепции Лустало, который продал ему за тысячу экю в месяц все свое умение до тех пор, пока будет длиться революция».

Что же волновало Лустало с первых дней после падения Бастилии? К чему он призывал? Чем, наконец, он заслужил славу одного из лучших революционных публицистов?

Как журналист Лустало на страницах «Парижских революций» энергично выступал за подлинную свободу печати в соответствии с настроениями третьего сословия, представителем которого он являлся. В.И.Ленин отмечал, что «лозунг «свободы печати» стал всемирно великим в конце средних веков и вплоть до XIX века. Почему? Потому что он выражал прогрессивную буржуазию, т. е. борьбу против попов и королей, феодалов, помещиков»¹⁴.

Лустало считал, что печать находится в стесненном положении и сравнивал ее с заключенным, про которого говорят, что он будто бы свободен, так как имеет возможность прогуливаться во внутреннем двореке тюрьмы¹⁵.

Классовый подход к пониманию свободы печати в начале революции почти полностью отсутствовал. Все выступали за свободу печати вообще. И только позднее жизнь внесет существенные перемены в понимание вопроса о свободе печати.

Внимательно наблюдая за событиями, Лустало одним из первых отметил, что со старой Францией навсегда покончено. Все свои надежды в будущем он связывал с народом, для которого жил и работал и которому отдал весь свой талант журналиста. Будущие победы или поражения Лустало связывал с тем, насколько победители Бастилии смогут сохранить единство и в дальнейшем.

«Французы, — писал он, — вся Европа смотрит на вас. Именно вы показали остальным нациям, когда изгнали тиранов, как надо пользоваться плодами победы. Но победить — это еще не все. Надо уметь закрепить свою победу. Опасайтесь... только ваши разногласия, ваши претензии, забвение вами прав человека и равенства, ваше нелепое пренебрежение всем этим приведут к тому, что гидра деспотизма сможет возродиться из пепла»¹⁶.

Лустало точно определил направление, откуда исходила основная опасность для всех патриотов. «Аристократия, — восклицал он, — аристократия, вне всякого сомнения, хочет вернуть гостерян. Но она подкупает банды поджигателей, это она сеет мучительные подозрения, которые смущают здравый смысл и нарушают добрый порядок»¹⁷.

Прекрасно понимая, что враги революции будут использовать любые ошибки патриотов для того, чтобы лишний раз оклеветать их, Лустало не дает согражданам почивать на лаврах, доказывая в каждом номере, что аристократы готовы в любую минуту вновь захватить власть: «Мы быстро перешли от рабства к свободе, еще быстрее мы перейдем от свободы к рабству. Народ ублаживают шумом похвал, которые ему расточают за его подвиги, или развлекают праздниками, манифестациями... Подлые льстецы, вы увидите через три месяца, какой будет эффект от ваших слов»¹⁸.

Лустало вместе с **Маратом** и другими патриотами упорно объяснял, что победа сама по себе еще ничего не значит. Нельзя думать, что после 14 июля все злоупотребления кончатся и что все наладится по мановению волшебной палочки. Странная и страшная иллюзия. Недостаточно сбросить деспотизм, необходимо на руинах старого режима создать новое общество. «Если наша любовь к родине, — читаем мы в «Парижских революциях», — наше старание для общественного блага дали нам какие-то права на уважение и доверие наших сограждан в эпоху, которая, может быть, больше никогда не повторится, то мы настоятельно просим соотечественников иметь необходимую твердость, чтобы установить... власть народа... на такой прочной основе, на какой свобода во Франции никогда не господствовала»¹⁹.

«Народ хочет быть свободным», — часто повторяет Лустало. Он просит патриотов проникнуться смыслом слова «свобода». «Надо знать права, — пишет журналист, — которые нам обеспечивает свобода, обязанности, которые она на нас накладывает... Политическая или общественная свобода состоит в том, что нация сама создает свои законы и подчиняется только тем, которые она будет издавать и которые будут результатом воли большей части граждан... Гражданская свобода состоит в том, что ни один человек не может быть стеснен исполнительной властью ни в своей личности, ни в своей собственности»²⁰.

И свою задачу как журналиста Лустало видит в том, чтобы воодушевить народ на справедливые требования, чтобы оказывать ему помощь, постоянную поддержку.

Осенью 1789 г. столица переживала тяжелые времена. По утрам длинные очереди выстраивались у булочных. Недостаток хлеба давал знать о себе с каждым днем все сильнее, и перед пекарнями разыгрывались кровавые столкновения. Господа же из городской думы устраивали торжества и произносили длинные речи, мало заботясь о снабжении столицы мукой и хлебом.

Лустало говорит народу, что хлеб есть, но его прячут богачи. Он приводит интересный случай, когда у одной старой женщины нашли 16 буханок хлеба по 4 фунта каждый. Шестьдесят четыре фунта хлеба для одинокой женщины!²¹

В Париже уже давно следили с тревогой за политикой двора. В саду Пале-Рояля происходили многочисленные собрания, обсуждавшие поведение королевской семьи. Над Парижем собирались зловещие грозовые тучи. Лустало так выразил общее состояние в те дни: «Свобода под угрозой... Какая печальная участь нас всех ожидает?.. Нужна вторая вспышка революции... все идет к этому»²².

И эта вспышка произошла. 5—6 октября 1789 г. огромные толпы женщин устремились в Версаль, чтобы потребовать возвращения королевской семьи в столицу. «Идите! Шагайте, храбрые граждане! — писал Лустало в те дни. — Вы несете с собой будущее Франции. Наши сердца следуют за вами. Встряхните нашего короля, спасите наших депутатов, поддержите национальное величие. Четыреста тысяч рук готовы вам аплодировать или отомстить за вас!»²³ События 5—6 октября еще сильнее пошатнули авторитет королевы. Она уже тогда казалась многим основным источником всех бед. Поведение **Марии-Антуанетты** давало часто повод к этому. Например, на вопрос комиссаров, расследовавших по решению властей причины выступления парижан, насколько она причастна к событиям 5—6 октября, королева ответила: «Я никогда не была доносчицей на подданных короля»²⁴.

Всего по этому делу предстало перед судом 388 свидетелей. В их числе были Сиейес и Лустало. Первый сразу сказал, что для него причины октябрьских событий остаются загадкой²⁵. Лустало отметил, что причиной брожения сначала было отсутствие хлеба и трудности с его доставкой. Немаловажное значение имели и распространившиеся в народе слухи, что короля должны были похитить и увезти в Мец, чтобы начать гражданскую войну. Выступление было в основном против королевы, и многие люди, утверждал Лустало, открыто признавали, что Франция будет только тогда спокойна, когда лишатся головы королева, аббат Мори и др.²⁶

Современники говорили, что аристократия пала под тяжестью своих пороков и своей распущенности. Лустало считал делом чести и долга вести борьбу с наследием прошлого. «Наиболее трудная и наиболее важная задача духовного перерождения государства, — отмечал он, — это восстановление нравственности. Она может дополнять законы, но законы не могут ее заменить»²⁷. Лустало объясняет трудность положения дел тем, что до революции основная часть людей была лишена возможности активно участвовать в управлении и фактически была лишена всех прав гражданина.

Вот почему его так возмутила новая избирательная система, в основу которой был положен имущественный ценз. Собрание не приняло великого принципа всеобщего избирательного права, а разделило всех граждан на активных и пассивных. При населении в 26 миллионов человек лишь четыре миллиона триста тысяч приобрели права активных граждан.

«Этим национальным декретом, — писал Лустало, — признано господство аристократии... Одно единственное слово лишает две трети населения права представлять нацию». И далее он добавляет фразу, ставшую знаменитой: «Автор "Общественного договора" ... никогда не мог бы быть избранным»²⁸.

Лустало уже тогда предсказывал, что не позже чем через десять лет этот декрет приведет к восстановлению деспотизма или же вызовет новую революцию. Согласно этому декрету, отмечал он, депутатом станет не тот, кто обладает действительными достоинствами, а тот, кто может уплатить налог.

К.Демулен тоже выступил в поддержку Лустало. После появления статей Демулена и Лустало в городе произошла манифестация протеста против избирательного ценза. 17 декабря 1789 г. округ Генриха IV постановил договориться с другими парижскими округами о том, чтобы послать делегацию к Людовику XVI, которая должна была просить его не санкционировать декрет о марке серебром. Это решение встретило повсеместное одобрение²⁹.

Лустало мечтал о том, чтобы все основные законы утверждались народом, он мечтал о демократии со всеобщим избирательным правом и требовал ее со страниц газеты, изложив целую систему взглядов по этому вопросу³⁰.

Критикуя с горечью Национальное собрание, которое в своих обращениях к народу говорило тоном верховного повелителя, Лустало напомнил, что революция совершена несколькими патриотами, не имеющими чести заседать в Собрании³¹.

Наряду с обсуждением избирательной системы, большой резонанс вызвало обсуждение в мае 1790 г. проекта закона о войне и мире. Речь шла о том, кто имеет право объявить войну и заключить мир. Борьба развернулась между теми, кто хотел это сделать прерогативой исполнительной власти, и теми, кто признавал такое право только за нацией и Собранием.

Лустало использовал весь свой талант и все свое влияние для защиты неоспоримого права нации. Вот что он писал в газете: «Защитники прерогативы короля объясняют его право тем, что война, говорят они, это секретность и быстрота, которые законодательный корпус не может обеспечить. Но где гарантия того, что король, используя эти два фактора, не будет держать законодателей в узде... Мало того, предлагают еще, чтобы король не был ответствен за свои решения. Вот это-то как раз и доказывает, что депутаты должны быть наделены правом объявлять войну и заключать мир»³². Одной из заслуг газеты «Парижские революции» и Лустало являлось их постоянное внимание к положению рабочих. В это время ни Демулен, ни Марат, который только в 1791 г. станет защитником «четвертого сословия», ни другие демократические журналисты, не говоря о роялистских газетах, не касались этой темы.

В начале революции рабочие в политическом отношении самостоятельной роли не играли или почти не играли, а выступали единым фронтом с теми, кто стремился к уничтожению старых порядков. В основном они признавали новую власть и ее авторитет. Муниципалитет Парижа с целью облегчить тяжелое положение населения столицы и предупредить беспорядки открыл на Монмартре, а позже и в других местах благотворительные мастерские для нескольких тысяч бедняков. Враги революции, используя тяжелое экономическое положение, представляли этих людей как потенциальных разбойников, готовых отправиться в город, чтобы предать его огню и мечу. Лустало с целью убедиться в реальности подобных слухов сам посетил рабочий район.

«Мы были там, — пишет он, — и мы увидели людей, которые послушно выполняли земляные работы, чтобы иметь хлеб. И это-то мятежники... Мы убедились, что их намерения не могут быть противозаконными. Подумайте об этом вы, нелепые фантазеры... вы, кто говорит о жестоких планах»³³.

Рабочие на Монмартре, занятые в мастерских, получали всего 20 су в день, что было недостаточно для прожиточного минимума. Понимая, что в бедственном положении рабочих виновато экономическое положение страны, Лустало писал: «Вот до чего мы теперь дошли. Предприятия остановились, потому что нет больше покупателей. Хозяин меньше берет наемных рабочих, на которых он смотрит как на наличных врагов... Число бедняков... возросло до ужасных размеров»³⁴.

Возбужденное состояние рабочих привело власти к мысли о закрытии мастерских. Чтобы при этом избежать всяких эксцессов, к Монмартру были стянуты войска и доставлена артиллерия. При таком положении дел ни о каком протесте не могло быть и речи, и постановление муниципалитета исполнили почти в гробовой тишине. Как отмечал Лустало, «не произошло ни малейшего беспорядка, даже не слышно было ропота».

С середины сентября 1789 г. вплоть до 1791 г. движение среди рабочих замирает и прекращаются разговоры о требованиях, выдвигаемых ими, или собраниях, устраиваемых для обсуждения какого-либо вопроса. Видел ли Лустало в рабочем классе могильщика буржуазии? Нет и еще раз нет. Он был свидетелем зарождения пролетариата и, конечно, не мог понять его значения как наиболее революционного класса. «Пролетариат, — писал Ф.Энгельс, — едва только выделившийся из общей массы неимущих в качестве зародыша нового класса, еще совершенно неспособный к самостоятельному политическому действию, казался лишь угнетенным, страдающим сословием, помощь которому в лучшем случае, при его неспособности помочь самому себе, могла быть оказана извне, сверху»³⁵.

Все же нам кажется, что [Ж.Жорес](#) был не совсем справедлив, видя во внимании Лустало к положению рабочих только филантропическое начало, хотя и не отказывая ему при этом в известном демократизме: «Наиболее демократичные, как Лустало, снизили до жалости; но наряду с ними революционные буржуа... хотели, чтобы с этими людьми покончили картечью»³⁶.

Думается, что не это характеризует отношение Лустало к рабочим. Своей основной задачей он считал просвещение народных масс, будучи твердо убежден, что все несчастья происходят от невежества. Не уставая он повторял, что если свобода могла быть завоевана смелым штурмом Бастилии, то сохранена она будет только при условии обучения народа. «Школьный учитель, — писал Лустало, — делает людей более свободными, чем ораторы». Просветительская роль более точно определяет значение деятельности журналиста. И лучшим подтверждением сказанного могут служить его собственные слова: «О, мои сограждане! Не забывайте, что невежество — мать всех пороков. Гоните его прочь от себя. Я же буду отвечать за вашу свободу»³⁷.

Необходимо отметить, что Лустало не был в то время республиканцем и не выступал против монархии. Молодой публицист в лице короля видел спасителя французской нации, приписывая ему такие качества, которыми тот никогда не обладал. «Один мудрец, сказал, — писал Лустало, — что народы были бы счастливы, когда бы философы стали королями, а короли — философами. Мы теперь находимся накануне того, чтобы быть счастливыми, потому что никогда государь не говорил своему народу и о своем народе с такой философской глубиной, как Людовик XVI»³⁸.

Это сказано в сентябре 1789 г. В этом отношении Лустало тогда не был одинок. В начале революции почти никто не выступал в пользу республиканского строя. Так, Марат в своем проекте Конституции, написанном приблизительно в то же время, считал сохранение королевской власти само собой разумеющимся, хотя и выступал за известное ограничение прав монарха³⁹. Но и Лустало, как мы видели, был за это ограничение.

Известно, что движение в пользу установления республиканского правления отчетливо обозначилось после Вареннского кризиса в 1791 г., но к этому времени Лустало уже не было в живых. В пору же работы в газете он волей-неволей, признавая власть короля, приходил к мысли о необходимости ограничения самодержавного правления. Трудно сказать, как эволюционировали бы взгляды Лустало в дальнейшем, но несомненно, что республиканский лагерь имел бы в его лице одного из самых стойких защитников демократии. Что это так, показывает отношение Лустало к Учредительному собранию, которое он постоянно критиковал за антидемократизм его решений. Критически относился Лустало и к новым представителям власти в Париже — [Ж.Байи](#) и особенно [Лафайету](#).

Представляют интерес мысли Лустало о внешней политике, которые он неоднократно высказывал на страницах «Парижских революций». Мы приведем всего лишь один, но яркий пример. В начале; 1790 г. умер австрийский император Иосиф II, брат французской королевы. Он начал свою деятельность с проведения некоторых прогрессивных реформ: отменил крепостную зависимость, ввел единый поземельный налог и т.д. Но его популярности был нанесен ущерб, когда Иосиф II возглавил поход против революции в Нидерландах в 1789 г. Вот что писал Лустало о смерти австрийского монарха: «Иосифа II больше нет... Он скончался под тяжестью своего бесчестья, своих огорчений и от угрызения совести. И уже рука Истории чертит на могильной плите, сокрывшей прах его, слова, которые он еще недавно адресовал одному из генералов в Брабант: «Что за важность, немного больше или немного меньше прольется крови»⁴⁰.

Для народа, продолжает Лустало, вполне достаточно, что деспот умер, но для истории важно изучить, какое наследство остается и какое влияние окажет его смерть. Изучая этот вопрос, Лустало определяет принципы внешней политики: «Нация, которая хочет быть уважаемой, должна сама уважать других... Первый принцип, которого необходимо нам придерживаться, — это отказаться от всякой мысли о завоевании... Второй принцип нашей внешней политики — никогда не заключать мир, чего бы то ни стоило, когда враг на нашей территории. Соблюдение этого принципа было источником величия Рима. Забвение первого — явилось основной причиной его падения»⁴¹.

Лустало одним из первых познакомился с речью английского политического деятеля Э.Бёрка, произнесенной им в парламенте в феврале 1790 г., а позднее и с его книгой «Размышления о французской революции». В них наиболее полно и ярко отразились мысли и чувства европейской реакции. Французская революция навсегда покончила с либерализмом Бёрка. В 90-е гг. XVIII в. он уже энергично выступал против свободы слова и печати в Англии (себя он не имел в виду. — Ю.П.). Бёрк стал одним из организаторов репрессий против демократических организаций и идейным вдохновителем войны с революционной Францией. В его сочинениях («Замечания о политике союзников по отношению к Франции», «Письма о мире с царевийственной директорией Франции») отечественная и европейская реакция черпали идеи и аргументы для борьбы с революцией во Франции.

Бёрк утверждал, что Франция революцией будет ослаблена и почти уничтожена как государство. Для него французская революция — это грабеж, убийства, безумные преступления. Э.Лустало писал тогда об авторе: «Таково мнение человека, который всю свою жизнь все события видел в черном свете... его желчный характер сказался и на отношении к событиям и людям, о которых он говорит... Бёрк продался и бранил нашу революцию»⁴². Позднее почти идентичную оценку Бёрку дал К.Маркс, который писал о нем: «Этот сикофант, находясь на содержании английской олигархии, разыгрывал роль романтика по отношению к французской революции, а в начале осложнений в Америке, находясь на содержании североамериканских колоний, с таким же успехом выступал в роли либерала по отношению к английской олигархии; в действительности же он был самым ординарным буржуа... Нет ничего удивительного в том, что он, верный законам бога и природы, всегда продавал себя на самом выгодном рынке»⁴³.

Книга Бёрка была, разумеется, немаловажным свидетельством отношения к французской революции правящих кругов Англии, но ее нельзя считать выражением настроения всей страны. Так, в письме к Робеспьеру от 16 сентября 1790 г. соотечественник Бёрка осудил его книгу и выразил восхищение французами. Существует масса других фактов, свидетельствующих об искреннем сочувствии в Англии идеям французской революции и всемерной ее поддержке. Например, Т.Пейн, вступив в резкую полемику с Бёрком по поводу французской революции, опубликовал в 1791 г. свое произведение «Трактат о правах человека», защищавшее ее завоевания. Он был провозглашен гражданином Франции и избран членом Конвента.

Заслуживает внимания отношение Лустало к собратьям по перу. Его честность, прямота в суждениях, смелость патриота и независимость принесли ему известность и давали моральное право требовать таких же качеств от других журналистов.

Решительно выступая против распространения непроверенных слухов в газетах, что зачастую приводило к ненужным волнениям среди населения, он писал: «Многие журналисты усиленно распространяют среди читателей ужасные слухи об опасностях, которым мы будто бы подвергаемся. Мы считаем, что прежде, чем говорить об этом с уверенностью, необходимо, чтобы собранные факты давали достаточно доказательств»⁴⁴.

Вот один из первых уроков, данных Лустало Горса и другим журналистам, клеветавшим на граждан, нисколько не заботясь о чести газеты и редактора: «Первая обязанность политического писателя — это защищать свободу и права граждан. Если же он продает свое перо ради частной мести, если он его заставляет служить личным интересам... то такая свобода печати лишь способна порождать страх у каждого человека»⁴⁵.

Лустало неоднократно выступал в защиту демократических журналистов: Марата, Демулена, Фрерона и других. Всякое преследование патриотических газет и редакторов он рассматривал как заговор аристократии против защитников революции.

Как журналист, стоящий на страже революции и служащий интересам народа, Лустало считал своим долгом рассматривать все вопросы, выдвигаемые жизнью, и давать на них ответ. «В революции, — писал он, — каждый день имеет свои опасности и свои беды. Одни рождаются от злобы людей, от их разногласий, от любви власти. Другие — от природы вещей и неизбежности обстоятельств.

Эти причины иногда сливаются, и задача журналиста, пишущего для своего века и для своего поколения, определить различную степень их влияния на несчастья народа»⁴⁶.

Лустало многое успел сделать, но еще больше он мог совершить в будущем. В борьбе с врагами революции он не жалел ни сил, ни здоровья. Лустало любил свободу, боролся за нее и страдал, когда она находилась под угрозой. События в Нанси, где в конце августа 1790 г. произошли волнения среди солдат полка Шатовье и где генерал Буйе, при поддержке национальных гвардейцев Лафайета, жестоко расправился с солдатами, ускорили преждевременную смерть Лустало. Между солдатами и офицерами полка Шатовье с начала революции существовал острый политический конфликт. Офицеры были аристократами, солдаты — революционерами. Находясь 14 июля 1789 г. в Париже, солдаты отказались стрелять в народ. Занятая ими позиция во многом способствовала срыву планов контрреволюции. Полк был переведен в Нанси. Солдаты жаловались на неоправданную суровость командиров, что и привело к восстанию. Буйе, умеренный консерватор, двоюродный брат Лафайета, жестоко подавил это восстание.

Узнав о кровавых событиях в Нанси, Лустало, уже будучи тяжело больным, писал: «Кровь французов пролита. Факел гражданской войны зажжен. Эта гибельная действительность ослабила наше мужество и наши силы...»⁴⁷

Смерть оборвала журналистскую деятельность Лустало до начала великой борьбы в Конвенте. Но и за это короткое время он сумел стать одним из лучших демократических журналистов, великим пропагандистом революционных принципов. Он не обладал ни таким сверкающим остроумием, как Демулен, ни едкостью Фрерона, ни яростью Марата, но его статьи всегда имели точную и, как правило, неотразимую аргументацию.

Вся демократическая печать воздала должное заслугам редактора газеты «Парижские революции». Молчала только прюдомовская газета. Лишь в октябре появилась статья Прюдома с выражением сожаления о кончине Лустало. «Я хорошо знал Лустало, — писал Прюдом, — и горькая печаль о его безвременной кончине мешала мне писать о нем. О, Лустало! Тебя, добродетели которого теперь так превозносятся, нет больше на земле. Твое дорогое имя принадлежит родине... О, мой друг! Я буду хранителем твоей славы и буду хранить ее незапятнанной. Небо сниспослало тебе бессмертие... Я клянусь тебе, о Лустало, наследники будут достойны тебя!»⁴⁸

Прюдом не покривил душой, говоря о наследниках знаменитого публициста. Ставший редактором газеты «Парижские революции» Сильвен Марешаль достойно продолжил дело Элизе Лустало. Он не только сохранил славу газеты, но и преумножил ее.

С.Марешаль пришел в газету уже известным человеком. Он проделал сложный путь — от первых пастушеских идиллий в стихах до авторства «Манифеста равных», от наивных представлений о счастливом будущем человечества до признания суровой необходимости революционной борьбы народа за социальное равенство.

За несколько лет до революции он публикует свое произведение «Книга всех веков», написанное в духе Ж.-Ж.Руссо. В ней Марешаль впервые касается большинства проблем, ставших предметом изучения и осмысления в дальнейшие годы. Уже здесь он подвергает резкой критике существовавшие во Франции социальные и политические порядки. Не осуждая еще сам принцип частной собственности, Марешаль обрушивает критику на крупную собственность, беря под защиту плебейские массы населения. Книга эта принесла Марешалю известность и открыла ему двери литературных салонов, где он познакомился с будущими деятелями французской революции А.Клоотсом⁴⁹ и К.Демуленом.

Через некоторое время выходит его новое произведение — «Книга, избегнувшая потопа, или Вновь открытые псалмы». Дерзкая антирелигиозная критика здесь сочеталась с идеей политического переустройства современного государства.

В 1788 г. Марешаль напечатал «Альманах честных людей», сделавший его имя широко известным во Франции. Он стал первым из журналистов, кому накануне революции пришла мысль составить политический альманах, который датировался первым годом правления Разума. Особенностью этого издания было то, что «честные люди» заменили святых григорианского календаря. Был оставлен лишь один Иисус Христос. Этот альманах во многом предшествовал будущему революционному календарю. Публикация этой книги стоила Марешалю четырех месяцев лишения свободы.

В том же 1788 г. Марешаль опубликовал в Брюсселе книгу «Современные притчи, предназначенные для дофина», где, между прочим, писал: «...ад, которым мне угрожают после моей смерти, не может быть хуже, чем жизнь, какую ведут в обществе, все члены которого свободны и равны и где, однако, три четверти населения — рабы, а остальные — господа...»

Памфлеты Марешаля и другие его атеистические произведения заняли достойное место в той «бойкой, живой, талантливой, остроумно и открыто нападающей на господствующую поповщину публицистике старых атеистов XVIII века», о которой не раз напоминал В.И.Ленин⁵⁰.

В годы революции Марешаль сначала редактировал газету «Бочка Диогена, или Революция духовенства», в которой настаивал на том, чтобы философы активно занимались политикой, лишив духовенство монополии в области идеологии. В этой газете, как и в ранее написанных им работах, С. Марешаль решительно выступает против религии, церкви и ее служителей. В одном из номеров он опубликовал отрывки из «Завещания» Ж.Мелье, где автор высказывался против религии, против французского абсолютизма и частной собственности. По его мнению, «зло, принятое и узаконенное почти во всем мире, заключается в том, что люди присваивают себе в частную собственность блага и богатства земли, тогда как все должны были бы владеть ими сообща на равных правах и пользоваться ими так же на одинаковом положении и сообща»⁵¹. За публикацию этих отрывков, за проповедь этих отрывков, за проповедь атеизма и равенства против Марешаля возбудили дело, которое передали в следственные органы. Чтобы избежать ареста, Марешаль прерывает издание газеты и переезжает в другой район Парижа. В дистрикте Кордельеров, на территории которого Марешаль стал жить, существовал Комитет защитников свободы, призванный оказывать поддержку патриотическим писателям и журналистам.

В сентябре 1790 г., после смерти Лустало, Марешаль возглавил газету «Парижские революции», став ее основным редактором. Его статьи продолжили славу этого еженедельника, привлекая повышенное внимание читателей и оказывая значительное влияние на политические события Великой французской революции. О роли газеты можно судить по тому факту, что, например австрийский император запретил в стране все французские издания, в том числе и «Парижские революции».

Борьба за атеизм, за свержение королевской власти, за дальнейшее развитие революции, обвинение в нерешительности Национального собрания, в котором представители крупной буржуазии больше всего боялись как раз продолжения революции, революционной инициативы народных масс, — вот главные направления газеты в этот период.

С приходом Марешаля газета несколько изменилась. Более полными стали отчеты о работе Национального собрания. При том же количестве страниц она больше теперь помещала информационного материала. Появилась официальная рубрика «Новости из-за рубежа». Газета обратилась к журналистам из провинций с просьбой и пожеланием внимательно изучать положение дел на местах, больше помещать различных фактов, свидетельствующих о положительных и отрицательных процессах революции. Наиболее интересные сообщать в столицу, чтобы это стало достоянием всей Франции.

«Мы взяли себе за правило, — говорилось в газете «Парижские революции», — просматривать большинство провинциальных газет. Должны отметить, что мы редко находим на их страницах рассуждения о происках врагов революции, размышления о благе народа, примеры истинного патриотизма и любви к свободе. Эта непонятная инертность вряд ли способна вдохновить искренних друзей общественного блага. Мы напоминаем им со страниц нашей газеты, что это для нас священная задача, которую мы выполняем, что призвание писать почетно лишь тогда, когда оно имеет цель проповедовать любовь к родине, свободу народам, защиту прав человека и разоблачение интриг... Ведь свобода печати основана на мнении, что добродетель нации есть добродетель и ее членов... она самая мудрая из всех институтов. Мы призываем всех, кто испытал на себе притеснение со стороны аристократических муниципалитетов, администрации департаментов, трибуналов... всех, кто заметил покушение на конституцию и свободу нации, кто раскрыл опасные заговоры против народа и родины, мы приглашаем, повторяю я, всех обращаться к нам в любое время, и мы их поддержим»⁵².

Это обещание поддержки было продемонстрировано на деле. Когда редактор патриотической газеты «Журналь де Лион» был оштрафован на три тысячи ливров за критические статьи против властей города, в «Парижских революциях» появилась следующая заметка: «Мы тоже преследуем чиновников недобросовестных, гонителей свободы... Мы делаем лишь то, что обязались делать для защиты своих собратьев...» Автор защищает журналиста из Лиона, говоря, что лишь долг патриота может руководить им при написании того или иного материала в защиту революции. В заключение он пишет: «Свобода печати базируется на нерушимых принципах Декларации... Она всегда будет бичом для тех, кто нарушает эти принципы... свободной нации...»⁵³

В последующих номерах газета продолжала привлекать внимание к делу журналиста из Лиона и в защите его ссылалась на статьи Декларации прав человека и гражданина, гарантировавшие свободу мысли и печати.

Вопросы печати, ее положения, ее будущего постоянно были в центре внимания газеты «Парижские революции». В одном из номеров она воспроизвела интересный сам по себе разговор между римским папой и тетками короля, покинувшими Францию. Там было весьма любопытное замечание о влиянии печати на развитие революции. Тетки короля, объясняя ситуацию в Париже и положение короля, жалуются папе, что виной всему происходящему «эта проклятая свобода печати»... «Если бы это было в нашей власти, то изобретатель книгопечатания плохо провел бы остаток своих дней». На что папа очень живо заметил: «Да, это настоящий антихрист, при нем не надо искать другого»⁵⁴.

Газета «Парижские революции» всегда давала отпор аристократическим и роялистским изданиям. Она помещала наиболее характерные отрывки из них, чтобы говорить языком фактов. Накануне событий 10 августа 1792 г., когда роялистские газеты еще пытались спасти королевский режим, «Парижские революции» писали, указывая на статьи «Всеобщей газеты» и «Универсальной газеты»: «Читайте эти газеты, и вы будете знать позиции, занимаемые старой партией... Отрешение короля от власти — единственное конституционное и эффективное средство. Оно сможет предотвратить и гражданскую войну и, может быть, иностранное вторжение»⁵⁵.

Часто в газету обращались читатели, сообщая о тех или иных фактах. Так, житель Парижа прислал письмо, в котором представил сведения о новом министре иностранных дел. Он, в частности, писал: «Прочитав в вашей газете о министре иностранных дел, считаю обязанностью патриота сообщить и разоблачить перед судом общественного мнения всякого, кто может влиять на счастье или несчастье республики... Я знаю Лебрена⁵⁶ как редактора «Всеобщей газеты», в которой он не раз демонстрировал свои симпатии к Лафайету и другим роялистам»⁵⁷.

Маршалль в качестве редактора оказывал сильное влияние на газету. Вот почему его социально-политические взгляды находили большое отражение на страницах «Парижских революций». Вслед за Лустало он поддерживал требование о проведении в жизнь «аграрного закона». В осуществлении его Маршалль видел одну из возможностей ликвидации имущественного неравенства. Это требование было решительно поддержано **Г. Бабёфом**.

Большой резонанс вызвала опубликованная в начале 1791 г. статья «О бедных и богатых», основная мысль которой сводилась к тому, что плебеи, приняв активное участие в революции, не извлекли из нее для себя почти никакой пользы. Вновь Маршалль обращается к «аграрному закону», принятие которого и претворение в жизнь дало бы, по его мнению, возможность беднякам достигнуть разумного изменения социального неравенства, без чего немислима ни подлинная свобода, ни продолжительный мир. Контрреволюционеры пытались привлечь на свою сторону беднейшие массы населения, но патриоты хранили бдительность, видя в подачках роялистов данайские дары. Так, несмотря на тяжелое экономическое положение, 48 секций Парижа отказались от унижительной подачи в 12 тысяч ливров, которую Монархический клуб прислал городу для распределения среди бедных. Слишком подозрительной и оскорбительной показалась им эта мера⁵⁸.

В ответ на статью Маршалля «Французский Меркурий» поместил письмо Лагарпа, воспроизведенное прюдомовской газетой: О чем же витийствовал сей ученый муж? «Я не думаю, — писал он, — что меня заподозрят в принятии несбыточной и абсурдной мысли о равенстве состояний. Такое может прийти только в голову сумасшедшего... Я отрицаю какую бы то ни было филантропию, о которой столько говорят и как бы ее ни называли... Тех же, кто этим занимается, я называю смертельными врагами родины, свободы, законов, социального и политического порядка. Мне не составляет труда это доказать. Я едва только сдерживаю свое негодование этой страшной статьей. Теперь уже говорили об аграрном законе. Кто об этом говорит? Кто этот безумец, что говорит об этом?.. Я не пощажу тех, кто тешит несбыточными мечтами народ...»⁵⁹

Требование равенства в пользовании землей было основным в программе аграрного закона, что нашло свое отражение у Г.Бабёфа в его «Постоянном кадастре». Интересно отметить, что спустя много лет, в 1868 г., Маркс писал: «А я давно был убежден, что социальная революция серьезно должна начаться с самых основ, то есть с земельной собственности»⁶⁰.

Газета «Парижские революции» не раз отмечала, что социальные достижения революции пока невелики. Где благоденствия революции для бедных? Неравенство осталось, как и прежде. Сегодня, как и вчера, из каждых десяти граждан один обладает большим, чем остальные девять. Нищенство процветает и в годы революции, покрывая грязными лохмотьями тело нации⁶¹.

Продолжая эту тему, газета постоянно выступала за экономическое облегчение жизни бедняков. Одна из первых она выступила с требованием таксации цен на продукты первой необходимости. И позднее газета не раз обращалась к этому важнейшему вопросу, стоявшему в повестке дня революции.

Национальный Конвент, идя на поводу у нуворишей, декретировал смертную казнь для тех, кто предлагал аграрные законы или другие меры, могущие нарушить священные принципы частной собственности. Маршалль с горечью писал по этому поводу: «В стране, где имеется большое богатство, распределяемое между гражданами, было бы нелепостью поставить обеспеченных людей перед необходимостью вдруг уменьшить свои доходы. Это означало бы закрыть источники получения непомерного богатства... Огромное большинство граждан приходит к мысли, что только роскошь дает им настоящую жизнь»⁶².

Такого рода материалы регулярно помещались на страницах газеты «Парижские революции». При этом она не просто публикует подборки ради констатации фактов, но и сама предлагает необходимые меры по этому вопросу. Прежде всего, пишет газета, надо знать, сколько всего хлеба в стране. Второе — следует изучить вопрос о возможности продажи зерна на рынке по установленным ценам под угрозой крупного штрафа для тех, кто захочет уклониться от этого в целях спекуляции зерном. Муниципалитеты должны взять на контроль всех торговцев хлебом. Третье — необходимо установить твердые цены на зерно на четко определенное время. Максимум будет определяться комитетами и не должен превышать 36 денье, а минимум — 12 денье⁶³ (денье — старинная медная монета).

В конце концов Конвент под давлением народных масс был вынужден пойти на удовлетворение законных требований беднейшей части населения страны, приняв соответствующие декреты.

Большое внимание Маршалль уделял сложным вопросам текущей политики, касалось ли это вопроса о войне или принятия новой конституции, на выработке которой и введении ее в действие он настаивал в течение долгого времени. Отвечая на угрозы европейских монархов, газета «Парижские революции» писала: «Мы, патриоты Франции, торжественно заявляем, что хотим жить и умереть свободными. Меч, поднятый Европой над нашими головами, не сможет нас заставить отказаться от свободы, которую мы завоевали с оружием в руках... Мы заявляем, что, проникнутые чувством долга гражданина и патриота, мы готовы пожертвовать собой, нашим состоянием и нашими жизнями, чтобы защитить завоеванные нами права... Двадцать три миллиона станут как один на защиту революции и отечества»⁶⁴.

Говоря о подготовке к войне, газета указывала: «Все принцы Европы совместно с французской аристократией готовы обрушиться на нас. Тираны обещают своим солдатам в войне с нами разбой, грабеж, разорение городов, насилие, свободу всех преступлений. Мы же обещаем народам Европы свободу, уважение и культуру»⁶⁵.

Помимо угрозы вторжения иноземных захватчиков есть внутренний враг, который грозит развязыванием братоубийственной войны, войны гражданской. «А что такое гражданская война? — спрашивала газета. И отвечала: — Это когда ребенок убивает свою кормилицу; это когда глава семейства... вооружает свою правую руку против левой»⁶⁶.

Вот почему так необходима бдительность, считает газета. Тысячи шпионов аристократии и других врагов революции выискивают ее слабости и используют в своих интересах. «Там, где существуют тираны, там есть и шпионы. Там, где есть шпионы, там существуют и тираны. Там же, где имеются тираны и шпионы, там обязательно существуют и тюрьмы. Полистайте страницы истории, и вы там найдете доказательства неразлучности этого тройного бедствия»⁶⁷.

Конечно, отмечает газета, было бы наивно представлять дело таким образом, что все народы Европы готовы напасть и задушить революцию. И в этих странах есть люди, которые приветствуют события во Франции и во многом их одобряют. Достаточно только сказать, что за последнее время созданы и действуют общества друзей французской революции в Петербурге, Мадриде, Варшаве, Вене, Константинополе и Лондоне⁶⁸.

Обращаясь к народу Франции, газета писала, что именно эта вот поддержка французской революции всеми патриотами срывает планы контрреволюции: «Уже в течение пятнадцати месяцев нам говорят о страшной коалиции иностранных государств... В последнюю зиму нам обещали, что будущей весной эта сила обрушится на нас. Но вот уже и май кончается, а наши границы по-прежнему свободны...»⁶⁹

Сколько уже людей полегло, защищая свободу. Жертвы эти должны нам постоянно напоминать об опасностях, о которых мы иногда забываем. Австрия, пишет газета, задушила Брабант, Испания воздвигла живую стену из солдат на границах с Францией. Папа предаёт анафеме нашу революцию. А в Национальном собрании в это же время произносятся удивительные речи. Все говорят о неизбежности войны, но к войне никто не готовится.

То, что король, двор, аристократы и все враги свободы хотели войны, — это не было удивительно, так как отвечало их корыстным целям. Но то, что многие патриоты выступали за начало войны, — понять было трудно. И лидером здесь являлся П.Бриссо. Газета «Парижские революции» писала о нем: «Этот депутат, которого патриоты охотно цитировали, этот самый депутат, который уже один раз предал интересы общества в деле с колониями... в продолжительной речи в Обществе друзей конституции по вопросу о войне почти в точности повторил все фразы Людовика XVI, призывая нацию бороться до победного конца...Какая все-таки разница между этой речью Бриссо и теми статьями, что он частенько публиковал во «Французском патриоте».

Разоблачая предательскую политику королевской партии, жирондистов и других врагов революции, газета «Парижские революции» в поисках аргументов против начала войны помещает на своих страницах две речи М.Робеспьера, произнесенные им в Обществе друзей конституции 12 и 18 декабря 1791 г., в которых он дал конкретный анализ политического положения страны и на основе этого сделал вывод о невозможности в настоящий момент для Франции начинать войну. В частности, Робеспьер сказал: «Война! — восклицает двор и правительство, и их бесчисленные приспешники. Война! — повторяют за ними многие добрые граждане, более склонные предаваться патриотическому энтузиазму, чем искушенные в размышлениях о движущих силах революций и об интригах дворов. Кто осмелится выступить против этого импозантного клича? Никто, кроме тех, кто убежден, что необходимо зрелое обсуждение, прежде чем принять окончательное решение для спасения государства и конституции. Никто, кроме тех, кто знает, что поспешность и вспышка энтузиазма внушили самые пагубные меры, подвергшие опасности нашу свободу, ибо эти меры были благоприятны для замыслов врагов свободы и увеличивали их могущество. Никто, кроме тех, кто знает, что действительная задача людей, служащих своей родине, состоит в том, чтобы в определенное время сеять для того, чтобы в другое время пожать, и ждать от опыта торжества истины... Двор и правительство хотят войны и исполнения задуманного ими плана. Нация не отказывается от войны, если она необходима, чтобы обрести свободу. Но нация хочет свободы и мира, если это возможно, и отвергает всякий план войны, который направлен к уничтожению свободы и конституции, хотя бы и под предлогом их защиты... Какую войну мы можем предвидеть? Будет ли это война одной нации против других наций или одного короля против других королей? Нет. Это будет война врагов французской революции против французской революции. В Кобленце ли находятся самые многочисленные и самые опасные из этих врагов? Нет, они среди нас... Прежде чем предложить войну, надо было не только приложить все усилия к тому, чтобы ее предупредить, но и использовать свою власть для укрепления мира внутри страны. А между тем всюду вспыхивают беспорядки; и возбуждают их двор и правительство... Не говорите же нам, что нация хочет войны. Нация хочет, чтобы усилия ее врагов были расстроены и чтобы ее представители защищали ее интересы. Война, в глазах нации, есть крайнее средство, которого она желает избежать. От вас зависит просветить общественное мнение. Достаточно представить ему истину и общие интересы для того, чтобы они восторжествовали... Так или иначе, мы приближаемся к решающему для нашей революции кризису»⁷⁰.

События на фронтах со всей очевидностью доказали справедливость опасений всех патриотов за результаты военных действий. Даже в это время, тяжелое для отечества, Бриссо и его сообщники больше думали о собственной выгоде, чем об интересах нации в целом. Газета обвиняет бриссотинцев, преследующих свои корыстные цели. Политика Бриссо, пишет она, смыкается с политикой фельянов и Ламета. Патриоты больше не доверяют Бриссо, который начинает играть ту же роль в Законодательном собрании, какую фельяны в Учредительном. Газета резко выступает против попытки со стороны Лафайета к диктаторству. Она вновь призывает к необходимости выработки новой, демократической конституции⁷¹.

Решительно выступая против войны, газета, когда возникла угроза для существования Франции, поддержала лозунг «Отечество, в опасности!», призывая всех французов объединиться для защиты от вооруженного вторжения феодальной Европы. Ведь речь шла о самой возможности существования революции. И поэтому «весь народ и в особенности массы, то есть угнетенные классы, были охвачены безграничным революционным энтузиазмом; войну все считали справедливой, оборонительной, и она была на деле таковой. Революционная Франция оборонялась от реакционно-монархической Европы»⁷².

Газета в эти тревожные дни вместе с патриотами слушает ораторов в Законодательном собрании, с ними вместе разоблачает контрреволюционные заговоры, возмущается наглым тоном манифеста герцога Брауншвейгского. Она призывает народ к свержению монархии, погрязшей за тысячелетия в тине преступлений против французской нации. Единственный выход из создавшегося положения, по ее мнению, это провозглашение республики.

Как уже отмечалось, Марешаль впервые к зачаткам республиканской идеи подошел еще до революции в «Книге всех веков»⁷³. В этом отношении он опередил Марата и Робеспьера, которые к подобной мысли пришли позже. Марешаль все годы неоднократно обращался к этому вопросу. Разумеется, став редактором газеты «Парижские революции», он не мог не использовать ее страницы для пропаганды республиканских идей среди читателей.

Так, в начале 1791 г. Марешаль пишет статью «Что такое народ?», в которой за полгода до Вареннского кризиса высказал республиканские идеи: «Мы говорим о народе, потому что народ — это все, — писал он, — народ может все, он имеет право на все... он царствует над своим королем, он командует над своим начальником, он правит своими правителями»⁷⁴.

Газета «Парижские революции» радостно приветствовала декрет об уничтожении королевской власти, внесенный в Национальное собрание 83 департаментами Франции от имени 25 миллионов граждан, видя в этом гарантию будущего страны и считая себя причастной к нему⁷⁵. А письма, полученные газетой, в которых авторы восторженно приветствовали этот проект, убедили Марешаля в росте популярности идеи республиканской формы правления. И в последующих номерах газета постоянно обращается к этому декрету, делая закономерный вывод, что «предложение упразднить монархию означает... упразднить все существующие пороки».

И когда встал вопрос о работе будущего Национального конвента, для Марешаля было само собой разумеющимся, что первое, что должен сделать Конвент, — это решительно высказаться за республиканскую форму правления, провозгласив Францию республикой. Провозглашение Франции республикой было встречено с ликованием. «Граждане! — писала газета. — Поздравим себя. Четвертый год революции стал первым годом Французской Республики! Декрет об этом утвержден. Мы теперь — республиканцы!»⁷⁶.

Как и при Лустало, газета «Парижские революции» продолжала уделять много внимания экономическому положению рабочих. Говоря о трудящихся парижских мастерских, она пишет, что рабочие требуют того, чтобы дневная заработная плата была не меньше, чем 2 ливра и 10 су. Нельзя думать об этой плате как о чрезмерно большой.

В апреле 1791 г. была опубликована статья о благотворительных мастерских, в которой автор выступал за то, чтобы их разрушить, — из-за опасения, что враги революции могут использовать эту массу людей, не довольных своим положением, для корыстных целей. Одновременно было предложено использовать целинные и залежные земли для размещения этих бедняков и «превратить их в мелких собственников»⁷⁷.

Предлагая эти меры, газета учитывала, что парижский муниципалитет принял решение уволить рабочих и выслать их из города, не заботясь о будущем большого количества людей. Аристократы рассчитывали путем подкупа определенной части рабочих вызвать в среде людей, лишенных средств к существованию, контрреволюционные волнения. Но они и в этом просчитались. Рабочие спокойно

оставили свои места. «Было больно смотреть на этих несчастных людей — писала газета, — удаляемых из Парижа в различные департаменты... Что они там будут делать? Об этом следует спросить тех, от кого зависит их судьба. Найдут ли они там работу?»⁷⁸ Большой заслугой газеты надо считать ее атеистическую пропаганду. Тут, разумеется, сказалось влияние Марешаля и Шометта. Не имея возможности подробно останавливаться на этом, все же отметим ряд, на наш взгляд, интересных моментов. Основная задача состояла в том, чтобы разоблачить духовенство, его связи с аристократией, с контрреволюцией европейских монархических стран, попытки деятелей церкви настроить массы против революции⁷⁹. Так, в конце 1790 г., сообщая об антипатриотическом поведении французских епископов, газета писала, что епископы Бретани отказываются подчиняться декретам Национального собрания. Пользуясь суеверием народа, отцы церкви стараются убедить его, что все распоряжения центральной власти не являются законными и что поэтому они не обязательны для исполнения. Марешаль призывает патриотов быть бдительными и не допускать того, чтобы прелаты повернули революцию вспять⁸⁰.

Через некоторое время Маршалль поместил на страницах газеты «Адрес сельскому населению относительно духовенства», в котором отмечал, что без участия жителей деревень революция не может свершиться полностью. Революция не победит, пока сельское население находится под влиянием священников. Она примет в свою семью и священнослужителей, которые принесут гражданскую присягу. Будет забыто их прошлое, если они искренне расскаются и будут придерживаться принципов новой конституции. Если же священники откажутся принести присягу, то они будут судимы революционным судом⁸¹.

В одной из статей о духовенстве Маршалль писал, что Национальное собрание совершило две большие ошибки и каждый день приходится пожинать горькие плоды этого. Во-первых, оно декретировало конституционную клятву гражданского устройства духовенства. Во-вторых, возложило на государство расходы на отправление культа. Следует считать преступлением перед нацией и революцией молчание короля о положении религии в настоящий момент. Король сам первый игнорирует конституционных епископов, а отсюда и непризнание их в различных департаментах страны⁸². Маршалль был одним из инициаторов и автором проведения «Культы Разума», в честь которого он сочинял гимны, песни и даже написал либретто оперы «Праздник Разума». В отличие от других сторонников этого праздника Маршалль был свободен от всех мистических и деистических представлений, видя в нем лишь одно из атеистических мероприятий⁸³.

Деятельность Маршалля в газете закончилась в феврале 1794 г., когда Прюдом решил прекратить ее издание. Это было не столь уж неожиданно. С лета 1793 г., а точнее, с № 209 газета, которая до этого выходила регулярно, задержалась с публикацией на две недели. С начала августа до конца сентября 1793 г. газета вообще не появлялась. Причины этого неизвестны. Никаких объяснений со стороны редакции не последовало. Это тем более удивительно, что Прюдом сам писал в феврале 1793 г. о том, что газета будет выходить, несмотря на все угрозы и трудности. «Человек, — указывал он, — который в течение четырех лет вел борьбу со всякого рода преступлениями, никогда не испугается и останется верным на своем посту, чтобы защищать свободу до самой смерти своей. Газета будет выходить до тех пор, пока родина не станет свободной»⁸⁴. Создается впечатление, что Прюдом сам себя уверял в своей смелости. Примеров, когда давались клятвы в верности, история знает достаточно, но немногие в минуту испытания были на высоте. Это касается и людей малоизвестных, и знаменитостей. Так, Давид в минуту экзальтации клялся Робеспьеру выпить цикуту вместе с ним, но 9 термидора 1794 г. в Конвент не явился.

Значило ли прекращение издания газеты, что цель, указанная Прюдомом, была достигнута? Нет, разумеется. В последнем номере своего издания Прюдом писал, что он вынужден прекратить издание из-за состояния здоровья, подорванного годами тяжелой работы. Он покидает поле боя с мыслью, что цель достигнута — Франция свободна, и она стала республикой. Революция совершена, и эпитафия, который был взят на вооружение, потерял свое значение — народ больше не на коленях, он поднялся. Революция совершена, если санкюлоты убедились в пользе существования свободы мнения и печати, что нашло свое отражение в Декларации прав человека и гражданина. Революция совершена, если французский народ проникся доверием к республиканской форме правления⁸⁵.

Нам кажется, что причины закрытия газеты «Парижские революции» были иные, чем те, что пытался выдвинуть Прюдом. Их надо прежде всего искать в личных качествах самого издателя, человека обеспеченного, но консервативного и не очень смелого. Он имел перед собой примеры Демулена и Эбера. Он прекрасно знал взгляды Маршалля, отрицательно относившегося к Робеспьеру, приписывая ему стремление к установлению диктатуры. Маршалль критиковал враждебное отношение Робеспьера к атеизму и аграрному закону. Известно, что долгое время он был дружен с Демуленом. Но после установления якобинской диктатуры, когда стали четко проявляться различия в понимании конечной цели революции, это привело к быстрому охлаждению их взаимоотношений. Желание партии дантонистов остановить революцию, их отрицательное отношение к максимуму, к революционному террору, к претворению в жизнь «аграрного закона», яростная защита основ института частной собственности — все это вызывало возмущение у Маршалля. Он выступал за ликвидацию этого контрреволюционного течения.

С другой стороны, Маршалль оказывал значительную поддержку требованиям эбертистов о введении Культа Разума и требованиям экономического порядка. Осенью 1793 г. он поддержал идею эбертистов о создании всемирной республики. Правда, следует отметить, что близость к эбертистам вовсе не означала тождества их взглядов. Уже в начале 1794 г. Маршалль обвинял Эбера и его сторонников в демагогии, в забвении интересов народных масс и в стремлении извлечь только личные выгоды из революции. Весной 1794 г. Маршалль, убедившись, что эбертисты не способны бороться за конечные цели революции, считал вполне

законным насильственным удалением их с политической сцены и оправдывал террор по отношению к ним. Позже в своем «Словаре древних и современных атеистов» он обвинит Эбера и Шометта в том, что они оба были далеки от настоящих атеистов, указывая, что у этих демагогов было не очень-то много способностей⁸⁶.

Приветствуя введение якобинцами под давлением народных масс всеобщего максимума и осуществление на практике в целях защиты революции террора, Марешаль вместе с тем считал социальное законодательство якобинцев далеким от того, что требовали плебеи, т. е. ликвидации имущественного неравенства, что не могло не вызывать у него отрицательного отношения к якобинской диктатуре. Отметим, забегая вперед, что Марешаль, как и Бабёф, сначала приветствовал переворот 9 термидора 1794 г. И так же, как и Бабёф, он позже поймет и признает свою ошибку.

Таким образом, зная о политических взглядах Марешаля, Прюдом растерялся, находясь между Сциллой и Харибдой. Не желая рисковать, подобно витязю, находящемуся на распутье, Прюдом принял соломоново решение, что самое лучшее — это прекратить издание газеты. Позднее он пытался издавать другую газету, но, не имея таких редакторов, сумел выпустить только сто пять номеров. На этом все дело кончилось, и больше к изданию газет он не приступал. Погрузившись в сочинение воспоминаний, Прюдом дожил почти до восьмидесяти лет и в 1830 г. тихо умер.

Что же касается Марешаля, его жизнь сложилась необычно. Вписав интересную страницу в историю французской революции, он через короткий промежуток времени стал творцом еще одной, более яркой, связав свое имя с движением бабувистов. Марешаль, по свидетельству Ф. Буонарроти, входил в Тайную директорию общественного спасения, задачей которой было объединение всех истинных друзей свободы⁸⁷. Он же был автором «Манифеста равных», основного документа организации Г. Бабёфа. Однако Тайная директория отвергла «Манифест», не согласившись с такими заявлениями его автора, как «пусть погибнут, если это необходимо, все искусства, только бы осталось подлинное равенство» и «пусть исчезнет, наконец, возмутительное разделение на управляющих и управляемых»⁸⁸.

При всей близости Марешаля к Бабёфу следует заметить, что общественно-политические взгляды его существенно расходились с идеями зрелого бабувизма⁸⁹. Марешаль не был судим вместе с другими членами «Заговора во имя равенства». Предатель Гризель не знал его лично, и поэтому Марешаль остался на свободе, продолжая заниматься литературным трудом. Из всего написанного им до смерти (1803 г.) можно выделить антибонапартистский памфлет «Поправка к славе Бонапарта, или Письмо этому генералу», широко известную бабувистскую «Новую песню для предместий» и большой философско-аллегорический роман «Путешествия Пифагора», ставший политическим завещанием Марешаля⁹⁰. В нем он изложил свои окончательно сложившиеся общественно-политические взгляды, на формирование которых определяющее влияние оказали итоги французской буржуазной революции и послереволюционного демократического движения. Путь, проделанный Марешалем в годы революции, термидорианской реакции и Директории, — это путь типичного представителя революционной мелкобуржуазной демократии, «коммунистического буржуа»⁹¹, со всеми свойственными ему колебаниями и политическими иллюзиями.

Газета «Парижские революции», пройдя через всю революцию от падения Бастилии в июле 1789 г. и почти до 9 термидора (27 июля) 1794 г., сыграла выдающуюся роль в истории демократической печати Великой французской революции. Она во многом способствовала объединению демократических сил в борьбе с контрреволюцией. Слушая внимательно революцию, она старалась в лице своих основных редакторов, Элизе Лустало и Сильвена Марешаля, донести до читателей неискаженный голос событий, главным действующим лицом которых были народные массы. Э. Лустало и С. Марешаль вместе с другими демократическими журналистами французской революции конца XVIII в. заложили основу для развития прогрессивной печати Франции.

Примечания

1. *Revolutions de Paris*. P., 1791, N 84.
2. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.9. С.113.
3. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т.2. С.90; Т.9. С.113.
4. *Revolutions de Paris*. P., 1793. N 214.
5. Коллекция газеты с июля 1789 г. по февраль 1794 г. включает 17 больших томов по 700 страниц каждый.

6. *Revolutions de France et de Brabant*. P., 1791. N 86.
7. *Histoire generale de la Presse francaise*. T.1. P., 1969. P.452.
8. *Marechal S. Almanach des republicains*. P., 1793. P.96.
9. *Saint-Just. Oeuvres completes*. T.1. P., 1908. P.322.
10. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т.36. С.114—115.
11. *Pellet M. Elysee Loustallot et les Revolutions de Paris*. P., 1872. P.297.
12. Дешьен в своем каталоге газет периода Великой французской революции, опубликованном в 1829 г., указывает, что Лустало редактировал еще одну газету — «Настоящий друг людей всей нации». Однако версия Дешьена не подтверждается другими историками французской печати. Не приведен подобный факт и в одной из последних работ по истории французской прессы — «*Histoire generale de la Presse francaise*» (Т.1. P., 1969). Нам кажется, что Дешьен ошибся. Скорее всего, эту газету редактировал кто-нибудь из числа поклонников Лустало.
13. *Lamartin A. Histoire de la Revolution francaise*. T.1. Bruxelles, 1854. P.294—295.
14. *Ленин В.И. Полн.собр.соч.* Т.44. С.79.
15. *Revolutions de Paris*. P., 1789. N 4.
16. *Revolutions de Paris*. P., 1789. N 2.
17. *Revolutions de Paris*. P., 1789. N 4.
18. Ibid.
19. *Revolutions de Paris*. P., 1789. N 11.
20. Ibid.
21. *Revolutions de Paris*. P., 1789. N 7.
22. *Revolutions de Paris*. P., 1789. N 13.
23. *Revolutions de Paris*. P., 1789. N 14.
24. *Revolutions de Paris*. P., 1790. N 44.
25. *Dominique P. Paris enleve le Roi*. P., 1973. P.329.
26. Аббат Мори для Эбера был символом контрреволюции. На гравюрах «Папаши Дюшена» можно было видеть короткий девиз: «Memento mori» («Помни о смерти!») — получалась игра слов с намеком на аббата.
27. *Revolutions de Paris*. P., 1789. N 17.
28. *Revolutions de Paris*. P., 1789. N 21.
29. *Aulard A. Histoire politique de la revolution francaise*. P., 1901. P.73.
30. *Revolutions de Paris*. P., 1789—1790. N 17, 31, 38.
31. *Revolutions de Paris*. P., 1790. N 32.
32. *Revolutions de Paris*. P., 1790. N 45.
33. *Revolutions de Paris*. P., 1789. N 6.
34. Ibid.
35. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т.19. С.193—194.
36. *Жорес Ж. Социалистическая история французской революции*. Т.1. М., 1976. С.393.
37. *Revolution de Paris*. P., 1789. N 3.
38. *Revolutions de Paris*. P., 1789 N 9
39. См.: *Марат Ж. Избр.произв.* Т.2. М., 1956.
40. *Revolutions de Paris*. P., 1790. N 35.
41. Ibid.
42. *Revolutions de Paris*. P., 1790. N 40.
43. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т.23. С.770.
44. *Revolutions de Paris*. P., 1789. N 2.
45. *Revolutions de Paris*. P., 1789. N 6.
46. *Revolutions de Paris*. P., 1789. N 19.
47. *Revolutions de Paris*. P., 1790. N 60.
48. *Revolutions de Paris*. P., 1790. N 66.
49. Клоотс Жан-Батист, позднее Анахарсис, прусский барон дю Валь де Грас (1755—1794), приветствовал Французскую революцию, называл себя «оратором человечества», член Конвента, казнен по процессу эбертистов.
50. *Ленин В.И. Полн.собр.соч.* Т.45. С.26.
51. *Мелье Ж. Завещание*. Т. II. М., 1954. С. 198.
52. *Revolutions de Paris*. P., 1790. N 68.

54. *Revolutions de Paris*. P., 1791. N 100.
55. *Revolutions de Paris*. P., 1792. N 159.
56. Лебрен Пьер Мари (1754—1793) — до революции типограф и журналист; Дюмурье, став министром иностранных дел, привлек его в министерство. После 10 августа — министр иностранных дел. Казнен при якобинской диктатуре.
57. *Revolutions de Paris*. P., 1793. N 200.
58. *Revolutions de Paris*. P., 1791. N 82.
59. *Revolutions de Paris*. P., 1791. N. 96.
60. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т.32. С.452.
61. *Revolutions de Paris*. P., 1791. N 111.
62. *Revolutions de Paris*. P., 1793. N 193.
63. *Revolutions de Paris*. P., 1793. N 199.
64. *Revolutions de Paris*. P., 1790. N 76.
65. *Revolutions de Paris*. P., 1791. N 82.
66. *Revolutions de Paris*. P., 1790. N 77.
67. *Revolutions de Paris*. P., 1791. N 78.
68. *Revolutions de Paris*. P., 1791. N 93.
69. *Revolutions de Paris*. P., 1791. N 97.
70. *Робеспьер М. Избр.произв.* Т.1. М., 1965. С.168—183.
71. *Revolutions de Paris*. P., 1792. N 149.
72. *Ленин В.И. Полн.собр.соч.* Т.34. С.196.
73. *Marechal S. Le Livre de tous les AGES*. P., 1779.
74. *Revolutions de Paris*. P., 1791. N 81.
75. *Revolutions de Paris*. P., 1791. N 90.
76. *Revolutions de Paris*. P., 1791. 1792. N 168.
77. *Revolutions de Paris*. P., 1791. N 93.
78. *Revolutions de Paris*. P., 1791. N 98.
79. См. подробнее: *Домнич М.Я. Великая французская буржуазная революция и католическая церковь.* М., 1960.
80. *Revolutions de Paris*. P., 1790. N 71.
81. *Revolutions de Paris*. P., 1790. N 75.
82. *Revolutions de Paris*. P., 1791. N 121.
83. См.: *Марешаль С. Избр.атеистические произв.* М., 1958.
84. *Revolutions de Paris*. P., 1793. N 187.
85. *Revolutions de Paris*. P., 1794. N 225.
86. *Marechal S. Dictionnaire des Athees et modernes.* Bruxelles, 1833. P.493.
87. *Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства.* Т.1. М., 1948. С.188.
88. Там же. Т.2. С.142—143.
89. *Иоаннисян А.Р. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции.* М., 1966. С.159.
90. *Marechal S. Voyage de Pythagore.* Т.1—5. P., 1800. (Путешествия Пифагора, знаменитого самосского философа, или Картина древних славнейших народов, изображающая их происхождение, таинства и достопамятности. В сей картине оживлены все важнейшие происшествия древних времен. Т.1—6. М., 1804—1810).
91. *Маркс К., Энгельс Ф. Соч.* Т.3. С.214.